

ты все-таки более сродни и.-евр. **bhū-* 'быть', из 'стать; возрасти' и т.п. (др.-греч. φῶς и др.; ср. обилие "растительных" обозначений от этого корня), что подтверждается и ностратическими данными, см. *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения..., [I] 1971. 184—185. Эти соотношения дополнительно поддерживают мысль о том, что *Я* — это место и чистая функция, а *ты* — заполнение этого места и конкретное воплощение функции. Но именно *ты* — ближайший повод для актуализации *Я*.
⁴См. "Vom Ich als Prinzip der Philosophie" Шеллинга.

Л.А. Сараджева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

К этимологии арм. *tak'ur* 'чистый'

Для армянского слова *tak'ur* 'чистый' до сих пор не предложено убедительной этимологии (Ачарян III, 292).

Слово имеет длительную историю, встречается уже с V в., оно является основой для сферы понятий, весьма интересных с точки зрения семантической эволюции: помимо стилистически нейтрального значения 'чистый' (ср. также *anmak'ur* 'грязный', *dzwaramak'ur* 'трудноочищаемый', *kisamak'ur* 'получистый', *geramak'ur* 'сверхчистый' и др.), имеются и значения, относящиеся к сакральной сфере: 1. 'святой, непорочный, посвященный богу, храму'; 2. 'очищенный огнем' (*hramak'ur*); 3. 'блестящий, чистый' — эпитет Меркурия.

На заре развития индоевропейского сравнительного языкознания некоторые ученые уже искали этимологические параллели для этого слова в лексике индоевропейских языков, однако убедительных решений найдено не было. Виндишман¹ сопоставлял арм. *tak'ur* с греч. μάκαρ 'блаженный, счастливый, благоденствующий, богатый', Тервишьян² — с скр. *tarj-* 'вытирать, украшать'.

Ачарян, пытаясь объяснить происхождение арм. *tak'ur*, приводит слова из семитских языков, однако не считает их источником для армянского слова: сир. *marāq* 'очищать', *marīqā* 'чистый', араб. *marq*, ивр. *māruq* 'чистый' и др. (Ачарян III, 292).

По нашему мнению, путь к решению этимологии арм. *tak'ur* предоставляет индоевропейская основа **māk* 'мокрый, влажный' и ее континуаты: ст.-слав., др.-русск. мокръ, рус. *мокрый*, укр. *мокрый*, блр. *мокры*; болг. *мокър*, серб. *мѡкар*, *мѡкра*, чеш. *tokrŭ*, польск., в.-луж. *tokru*, н.-луж. *tokŕu* — все в значении 'мокрый'; лит. *ta-kõnė* 'лужа', *taklŭnė* ж.р. 'грязь', *taknŏti*, *taknŏju* 'идти по грязи', *ĩtaku*, *ĩtakėti* 'входить в болото', далее ирл. *mōin* 'болото, топь'³.

В структурном плане здесь можно видеть отражение гетероклитических основ на *-r/n- или суффиксальное -r-, причем наибольшая близость обнаруживается между армянским и славянским. Интерконсонантное -и- в армянском является результатом позднего развития: либо вторичной огласовкой (ср. *итр* 'глоток' при *этрет* 'пью'), либо одной из трансформаций первичных гетероклитических основ (ср. *garun* 'весна' из и.-е. **ǵesr-* 'весна', по-видимому, по аналогии с *ašun* 'осень').

Для армянского можно предположить следующее развитие значения: 'мокрый' → 'мытый' → 'очищенный, чистый' — переход, как увидим ниже, свойственный и другим языкам. Тонкое и сложное развитие первоначального и.-е. значения **māk-* 'влажный, мокрый' можно обосновать и экстралингвистическими факторами, относящимися к этнографии и психологическим особенностям того или иного народа: в армянской языковой традиции следует отметить веру в целительную силу воды, влаги (арм. *anmahakan* 'бессмертный') и сакрализацию рек, источников, водоемов (ср., к примеру, священная река Арапани, священный источник *ĵrornek* и др.).

В этой связи интересно упомянуть и сакральное значение в гнезде и.-е. **māk-*, имеющее место в славянской языковой традиции, — это имя восточнославянской богини Мокоши. По мнению Л. Нидерле⁴, Мокошь представляла собой божество, подобное Афродите или Астарте, почитание которого в Киеве находится в прямой связи с влиянием какого-то восточного культа. В севернорусском фольклоре она удержалась по сей день, хотя представление о ней значительно изменилось.

Механизм семантических движений основан на общих свойствах человеческой психики и мышления. Поэтому, допуская то или иное идеосемантическое различие, как это вытекает из сопоставления арм. *tak'ur* 'чистый' и примеров из других индоевропейских языков, очень важно подкрепить его аналогичными семантическими переходами.

Примерами аналогичного развития могут служить некоторые дериваты от индоевропейских основ, для которых восстанавливается первоначальное значение 'влажный, мокрый; мыть (очищать)'.⁵

И.-е. **meu-*, **mī-* 'влажный, мыть' в отдельных языках представлено следующими переходами: слав. **myti* 'мыть (очищать)' при польск. *muć* 'болото', арм. *-moyn* 'погруженный в воду', лат. *mundus* 'нарядный, чистый, красивый', аналогично в германских: нидерл. *mooi*, ср.-индерл. *moū*, н.-нем. *moi(e)* 'прекрасный' (< **mou-jo*), собственно 'вымытый' (Pokorny I, 741). "Венцом семантической деривации этого ряда, — пишет О.Н. Трубачев, — является лат. *mundus* 'мир, вселенная', первоначально — употребление в этом новом значении слова *mundus* со значением 'украшение' (субстантивация выпеняванного прилагательного): семантическое новообразование *mundus* I 'украшение' → *mundus* II 'мир' в духе греч. *κόσμος* 'красота' и 'мир' (как 'упорядоченная красота')..."⁵

И.-е. **neig-* 'мыть': др.-инд. *nēnēkti* 'моет, чистит', греч. *νίω* 'мыть, умывать', *νίτρον* 'вода для омовения', др.-ирл. *nigid* 'моет', *necht* 'чистый'.

И.-е. **uelk-*, **uelg-* 'влажный, мокрый'; ст.-слав. влага, рус. *волога*, польск. *wilgoć* 'влажность', др.-рус. *волога* 'похлебка, пища', рус. диал. 'жидкость', рус. *воложить* 'готовить на масле'; лит. *vālyti* 'есть' при *vilgyti* 'мочить', лит. *pavalgà* 'приправа, закуска', ирл. *folc* 'поток', *folcaim* 'мою' и др. Интересно отметить, что у славян название молока образовано также от корня, обозначающего влагу: ср. праслав. **melko* при **molkyta* 'болото, топь' (Фасмер II, 645).

Аналогичность определенных семантических переходов в разных

языках — важнейшая путеводная нить в сложном лабиринте исторической семасиологии. Любое семантическое развитие, как бы оно ни казалось неожиданным с первого взгляда, может стать основой этимологического решения, если оно повторяется независимо в нескольких языках.

К этимологии арм. *erkir* 'земля'

Арм. *erkir* 'земля' давно привлекает внимание этимологов, по поводу его происхождения были высказаны самые различные мнения, однако и сейчас оно является одним из трудных слов, для этимологии которого в индоевропестике нет окончательного решения.

Попытки объяснения происхождения данного слова имелись еще в период до создания индоевропейского сравнительного языкознания: при этом интересно отметить, что средневековые армянские авторы, предвосхитив идеи А. Мейе, связывали арм. *erkir* 'земля' и *erkir* 'небо' с числительным *erku* 'два' (обзор данной проблематики см.: Ачарян II, 62—64).

Последующие исследователи предлагали различные этимологии, среди которых, в частности, можно выделить две основные точки зрения.

Как было упомянуто, А. Мейе связывает арм. *erkir* с основой числительного 'два' — *erku* (из и.-е. **dyō-*)⁶. Эта этимология в дальнейшем поддерживается В. Пизани⁷, Й. Кноблохом⁸ и Вяч. Вс. Ивановым⁹, которые ищут различные семантические основания для ее лингво-этимологического истолкования. Интересна попытка Й. Кноблоха, который восстанавливает две контаминированные формы: **dyei-ro* > *erkir* и **dyei-no* > *erkin*, рассматривая первую как активную (на -*r*) и вторую как пассивную (на -*n*).

Этой же этимологии придерживается и В. Орел: в своей недавней статье, специально посвященной этимологии арм. *erkir* 'земля', опираясь на точку зрения Кноблоха, он пытается привести дополнительные данные в пользу этой этимологии: арм. *erkir* 'земля' сопоставляется с кельтскими параллелями, имеющими то же значение: ст.-валл. *dair*, *dayr*, валл. *daear*, корн. *doar*, *doer*, *dor*, *dour*, брет. *douar*. Для этих слов реконструируется исходная форма **dwijaro-* или **dwejaro-*, которая сопоставляется с арм. **dyei-ro* > *erkir*¹⁰.

Недостаточная обоснованность семантического перехода от значения 'два' к значению 'земля', результатом чего является отрыв от реалий в соединении с чрезмерной отвлеченностью построений, отсутствие надежных параллелей для арм. *erkin* 'небо', явно ассоциируемого с *erkir* 'земля', дают основания для поиска другого решения.

Вторая этимология принадлежит А. Фику, который сопоставлял арм. *erkir* с кимр. *erw*, др.-в.-нем. *ero* 'земля', восстанавливая при этом праформу **erweri* (Fick², 47). Несмотря на то, что эта этимология не показалась убедительной Г. Гюбшману ввиду фонетических и словообразовательных трудностей, к ней вновь, через некоторое время, возвращается Х. Педерсен¹¹. Для армянского и кельтского

он восстанавливает детерминатив *-u- (ср. кимр. *erw*), предполагая для арм. следующий переход: **erū* > **erg*; при этом *k* в *erkir*, вместо ожидаемого *g*, считается результатом влияния *erkin* 'небо'¹².

Этимология принимается и Ю. Покорным, который восстанавливает и.-е. корень **er-* 'земля' с детерминативами *-*t-* и *-*u-*: греч. *ἔρᾱ* 'земля', герм. **erþō* (гот. *airþa*, др.-сев. *jqrd*, др.-в.-нем. *erda*), герм. **erō* (др.-в.-нем. *ero*) (Покорны I, 332).

По нашему мнению, данные балтийских языков, в частности, лит. *ėrdvė* 'пространство', дают возможность для обоснования второй этимологии, способствуя, по всей вероятности, окончательному решению этимологии арм. *erkir*.

Традиционно лит. *ėrdvė* 'пространство' связывается с лит. *ardyti* 'отламывать, отламывать', лтш. *ārdīt* 'пороть, распарывать' и под. (Fgaenkel 15—16). При этом следует отметить попытку О. Гофмана, который впервые сопоставил лит. *ėrdvė* и греч. *ἔρας* 'земля', гот. *airþa*, др.-сев. *jqrd*, др.-в.-нем. *erda*¹³. Однако он явно неудачно приводит в качестве этимологической параллели арм. *art* 'поле, нива', которое восходит к другому источнику (и.-е. **ag'-ro*).

Если лит. *ėrdvė* принадлежит к группе слов, продолжающих и.-е. **er-* 'земля', то оно хорошо объясняет и фонетический облик арм. *erkir*. Для армянского так же, как и для литовского, представляется возможным реконструировать праформу **er-duēr*. Для армянского переход **du* > *k* для неначальной позиции является закономерным (ср. **meldūi-* > *meĭk* 'мягкий'). Конечное -*r*, реконструируемое для литовского, отпало вследствие акцентологических сдвигов (ср. аналогичное развитие лит. *duktė* 'дочь' из и.-е. **dhughatēr*, *mótė* 'женщина' из и.-е. **mātēr*)¹⁴.

Если сопоставление арм. *erkir* и лит. *ėrdvė* корректно, то можно указать на особенно близкую связь армянского и литовского слов в качестве эксклюзивной изоглоссы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Windischmann F. Die Grundlage des Armenischen im Arischen Sprachstamme // Abhandlungen der ersten Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1840, 4, 2. 9.

² Dervischjan A. Das Altarmenische K^e. Wien, 1877. 58.

³ Были сделаны и неудачные попытки возведения армянских слов к корню **māk-*: Педерсен возводит к нему арм. *mkrtel* 'погружать' (Pedersen H. Armenisch und die Nachbar-sprachen // KZ. 39. 1906. 481), а Покорный — арм. *mōr* 'болото, грязь' (< **mākri-* (Покорны I. 698), причем для этого слова приводит и другую этимологию (Там же. 742), возводя к **теу-го-*, что является более убедительным.

⁴ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. 280.

⁵ Трубачев О.Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. М., 1988. 213.

⁶ Meillet A. // Mélanges Emile Boisaque. Bruxelles, 1937, I. 1.

⁷ Pisani V. Ricerche di morfologia indeuropea // Miscellanea Giovanni Galbiati. Milano, 1951, III. 6.

⁸ Knobloch J. Zu armenisch *erkin* "Himmel", *erkir* "Erde" // Handes Amsorya. Vienne, 1961, N 10—12, 541—542.

⁹ Иванюв Вяч. Вс. Использование для этимологических исследований сочетаний одно-коренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках // Этимология. 1967. М., 1969. 47—49.

¹⁰ Orel V. Arm. *erkir* // Annual of Armenian Linguistics, v. 9, 1988. 17—18.

¹¹ Pedersen H. Zur armenischen Sprachgeschichte // KZ. 38. 197.

¹² Этот же этимологии придерживается и Г.Б. Джаукян, см.: Джаукян Г.Б. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван. 1967. 64.

¹³ Hoffmann O. // Festschrift Bezzenberger. Göttingen, 1921. 82 и след.

¹⁴ Герценберг Л.Г. Реконструкция индоевропейских слоговых интонаций // Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. М., 1979. 35.

Г.А. Климов

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ **suomb(h)o* ~ КАРТВЕЛЬСКОЕ **ɕump-*

В составе существенно возросшего за два последних десятилетия фонда индоевропейско-картвельских лексических параллелизмов, свидетельствующих, как можно думать, о древнейших контактах носителей соответствующих языков, обращает на себя внимание небольшая, но интересная группа слов, связанная с обозначением в целом довольно нехарактерных для кавказской действительности атрибутов низменной и болотистой местности. В специальной литературе в этой связи так или иначе уже упоминались такие картвельские лексемы, как груз. *dube-* 'низина, впадина'¹, *lam-, šlam-* 'ил, тина', *ɕumpe-* 'лу́жа грязи'², *ɕurbela-* 'пиявка'³ (сюда же теперь следует присоединить груз. *anqara-* 'уж', *lia-* 'грязь, ил', груз. диалектное *rabo-* 'канавка'), мегр.-лаз. *leqa-* 'глина, грязь', *žvabu-, žvabu-* 'лягушка', сван. *diɕwam-* 'плодородная земля в низине' и некоторые другие (для более поздней эпохи отмечены заимствования подобного рода из армянского).

В настоящей заметке предпринята попытка показать, что грузинско-занская глагольная основа *ɕumpe-, zumpe* 'промокнуть, пропитаться влагой' и индоевропейское **suomb(h)o* 'пропитанный влагой, губчатый' не являются собой, как это представлялось в свое время Х. Вугту, "сирены созвучия", обязанной игре случая, а скорее обусловлены фактором древних языковых контактов между картвелами и индоевропейцами.

Обращаясь к грузинскому материалу, здесь прежде всего необходимо назвать такие глагольные лексемы, как гурийск., аджар. и джавах. *ga-zumpe-va* 'промокнуть, намокнуть'⁴, имер. и джавах. *ɕumpe-va* той же семантики⁵, а также картл. *da-ɕumpl-va* 'слегка намокнуть'. По-видимому, производным от этого глагола со словообразовательным аффиксом *-e* является широко распространенное грузинское обозначение лужи грязи и мелкого болотца *ɕumpe-* (ср. также явно вторичную форму рачинского и имеретинского диалектов *ɕumpe* и имер. *ɕumpe-*, представляющие собой дальнейшие преобразования последнего). Та же основа налицо в таких грузинских диалектных формах, как джавах. *ɕumpl-* 'брызга грязи'⁶, ингил. *ɕumpal-* 'крупная капля' и лечхум. *zumpe(la)-* 'глог, свидина (раст.)'⁷.